Воскресенье, 21 июля. С сегодняшнего дня в Первой и других старших школах при национальном университете магии начинаются летние каникулы.

Обычно в это время президент школьного совета был очень занят подготовкой к Турниру Девяти Школ, однако в этом году Турнир был отменён, поэтому в графике Миюки образовался пробел.

Однако не это стало причиной тому, что Миюки со вчерашнего дня оставалась на Миякидзиме под предлогом заботы о Тацуе. ...Ведь Миюки поступила бы точно так же, даже если бы Турнир не был отменён.

В том числе и сейчас, когда якобы госпитализированного Тацуи на самом деле не было в больнице.

◊ ◊ ◊

8 часов утра. На мобильный терминал Миюки, уже закончившей завтрак и пришедшей в больницу, где якобы лежит Тацуя, поступил входящий звонок.

Миюки сейчас находилась в комнате наблюдения ОРИТ. В само ОРИТ было запрещено входить всем, кроме врачей и медсестёр. Посетители могут либо смотреть, что происходит в ОРИТ, через окно, ведущее в коридор, либо наблюдать за пациентом через монитор, установленный в комнате наблюдения. Мобильный терминал Миюки смог принять входящий звонок потому, что в этой комнате наблюдения был установлен беспроводной ретранслятор. Стены больницы были выполнены из блокирующих электромагнитные волны материалов, поэтому если бы Миюки была в коридоре, с которого через окно можно наблюдать за ОРИТ, то звонок бы не прошёл. Электромагнитная изоляция не давала бы работать входящей и исходящей связи терминала.

— Да, это Шиба.

— Миюки...

Из динамика послышался горестный голос, который было больно слышать.

— Хонока? Ты звонишь по поводу Тацуи-сама?

Переживая за то, что приходится обманывать Хоноку и остальных друзей, Миюки сознательно ответила спокойным голосом.

— На самом деле я хотела позвонить ещё вчера, но... Миюки, это ведь было бы неуместно, верно?

— Это Шизуку так сказала?

— Угу...

Миюки чуть не заплакала, и это была не игра на публику.

— ...Спасибо. За ваше беспокойство.

— Угу. ...Итак, как там Тацуя-сан...?

— Не знаю, будет ли уместно тут сказать "к счастью", но его жизни ничего не угрожает. Он до сих пор не может покинуть ОРИТ, но если всё пройдёт гладко, то примерно через неделю его уже выпишут.

На вопрос Хоноки Миюки ответила заготовленной фразой, отражающей "официальную версию".

— Ясно. Слава богу...

Вопреки словам Хоноки, её голос оставался обеспокоенным.

— Если волнуешься, то, может, приедешь?

Вопрос Миюки не был результатом глубоких размышлений.

— А можно?

— Конечно.

Однако когда Миюки ответила согласием переспросившей Хоноке, мысли в её голове приняли завершённую форму.

Вообще, даже подпускать кого-либо к больнице было нежелательно. Госпитализация Тацуи была фиктивной, и его самого уже не было в стране. В больнице лежала его точная копия, кукла. Если и разрешать "посещение больного", то только не давая посетителям приблизиться к кровати с куклой. Именно поэтому и был выбран вариант с ОРИТ. Однако чем больше будет посетителей, тем выше риск раскрытия этого секрета.

Однако если ни один из школьных близких друзей не приедет его посетить, это будет выглядеть противоестественно. К тому же, Хонока, Шизуку, Эрика и остальные вряд ли сделают что-либо, ставящее Тацую в неблагоприятное положение. В этом Миюки полностью им доверяла.

— Я рада, что кто-то волнуется о Тацуе-сама. Хонока, ты приедешь одна? На этом острове нет отеля в обычном понимании этого слова, так что я подготовлю тебе место, где можно переночевать.

— Э-эм, можно я перезвоню чуть позже?

— Хорошо.

— Тогда, где-то после полудня.

— Да, буду ждать.

Хонока завершила вызов.

Сразу после этого Миюки позвонила в главный дом Йоцубы, причём не с мобильного терминала, а со стационарного телефона, оснащённого устройством шифрования.

К счастью, её довольно быстро соединили с Майей.

Без каких-либо раздумий, Майя сразу же разрешила принять Хоноку и других друзей.

◊ ◊ ◊

Новость о том, что Тацуя был госпитализирован после встречи с морскими террористами, стала горячей темой для обсуждения и в Главных Кланах. Не до такой степени, конечно, чтобы снова созывать внеочередную экстренную Конференцию Главных Кланов, но телефонных разговоров между главами разных семей состоялось довольно приличное количество.

Но среди них также были такие, у которых и своих дел хватало.

Например, семья Итидзё.

— Рэй-тян*, пойдём завтракать.

[Для тех, кто не знал или забыл: у японцев нет звука Л, и все эти Лю Лилей и прочие они произносят Рью Рирэй и т.д. Раньше я писал Лей-тян, но раз автор разошёлся на такое долгое пояснение (дальше по тексту), то пусть "прозвища" будут через Р, а настоящее имя через Л.]

— Спасибо, Аканэ. Уже иду. — Сказала завершившая утренние процедуры в уборной Лю Лилей, волшебник Стратегического класса, сбежавшая из ВАА, в ответ на предложение Итидзё Аканэ, старшей дочери семьи Итидзё. Вчера она переехала с базы Комацу в особняк семьи Итидзё.

Это решение было принято на встрече главы семьи Итидзё, Итидзё Гоки, с представителями армейского командования. Эта встреча прошла в предыдущее воскресенье во время поминального обеда, состоявшегося после похорон Кудо Рэцу. На встрече также присутствовала глава семьи Футацуги, Футацуги Маи.

Эта мера, в основном, была рассчитана на уменьшение нагрузки на Итидзё Аканэ, отправленную вместе со своим старшим братом на базу Комацу для постоянного пребывания там в качестве надзирателя Лю Лилей. Обстановка на базе не была такой уж и плохой, но в итоге было решено, что держать ученицу средней школы буквально взаперти на военной базе — не лучшее из возможных решений.

Переезд состоялся вчера днём, потому что вчера у Масаки в старшей школе была церемония закрытия. В частной средней школе, в которую ходила Аканэ, летние каникулы начались на 10 дней раньше в связи с нестабильным военным положением, но во всех старших школах магии, включая Третью, каникулы начались только сегодня. Масаки и так уже продолжительное время отсутствовал в своей школе, поэтому из-за начала летних каникул для него ничего не изменилось. Однако для любящих формальности взрослых это показалось "весьма удобным моментом".

Особняк семьи Итидзё был разделён на две секции: одна в западном стиле — для семьи, и другая в японском стиле в духе старинных самурайских домов — для приёма гостей. Комната, в которой поселили Лю Лилей, была в японской секции. Они вместе с Аканэ пошли по длинному опоясывающему дом коридору, и пришли в семейную столовую.

— Всем доброе утро.

— Доброе, Рэйра-тян.

Поприветствовавшей всех по правилам этикета Лю Лилей ответила Итидзё Мидори, жена главы семьи.

— Доброе, Рэйра-сан.

Вслед за ней ответил и Масаки. А Гоки сегодня утром дома не было.

Кстати говоря, это прозвище "Рэйра" было сокращением от японского чтения иероглифов имени "Лилей", которое звучало как "Рэй Рай". При употреблении в именах такое сокращение вполне допустимо общепринятыми нормами. Используемое Аканэ "Рэй-тян" было сокращением от настоящего имени "Лилей", однако вариант "Рэйра" был предложен самой Лю Лилей, которая сказала: "вам ведь сложно произносить моё настоящее имя, верно?".

Никто не посмеялся над её объяснением, что "это был один из псевдонимов для миссий по проникновению", но Масаки и другие действительно пребывали в растерянности, как её лучше называть. В итоге Мидори и Масаки решили называть её "Рэйрой". Гоки, кстати, использовал обращение "Лю-доно", а вторая дочь семьи Рури просто сократила "Рэйру" и получила такой же вариант, как и у своей старшей сестры: "Рэй-тян".

Так Лю Лилей благополучно начала жить у семьи Итидзё.

Однако общество было не настолько добро к волшебникам, чтобы эта мирная жизнь могла продолжаться долго. Особенно это касается тех, кто обладает силой Стратегического класса.

Поздний завтрак в семье Итидзё начался в 8:30. А глава семьи Гоки в данный момент был вызван на базу Канадзава национальных сил самообороны.

Командир базы полковник Асано лично встречал Гоки в благодарственной манере. Для базы Канадзава сотрудничество с семьёй Итидзё было очень важно, и у командира базы не было желания делать нечто такое, как этот вызов в строгой требовательной форме.

— Благодарю вас за то, что прибыли так рано утром.

— Нет, я прибыл раньше, чем было запланировано. Это вы меня извините.

Гоки ответил на слова Асано, тоже поклонившись. Он был человеком жёстким, но не грубым. К тому же, важным это сотрудничество было не только для стороны полковника Асано.

Асано привёл Гоки в приёмную, оформленную довольно роскошно для военной базы. Как только они сели, разговор сразу же был начат с фразы "перейдём сразу к делу".

— Генеральный штаб недоволен переездом Лю Лилей в мой дом, или что?

До вчерашнего утра местом, где Лю Лилей находилась под защитой, была база воздушных сил Комацу. Неделю назад Гоки встречался с высокопоставленными лицами объединённого высшего военного ведомства, управляющего всеми отдельными военными ведомствами: сухопутным, морским и воздушным. А сегодня его вызвал сюда генеральный штаб сухопутных войск.

Лю Лилей была иностранным солдатом, запросившим убежища, поэтому вмешательство Министерства Юстиции или Министерства Иностранных Дел ещё можно было понять. Армии незачем было касаться этого вопроса. Точнее, армия была не в том положении, чтобы иметь право встревать в это дело.

— Искренне извиняюсь. Нам тоже не сказали ничего, кроме того, что темой будет решение вопроса относительно волшебника Стратегического класса.

— Неужели силы самообороны прикажут мне отдать им моего сына?

— Мне ничего не сказали. Но если честно, то я бы хотел, чтобы ваш сын стал офицером сил самообороны. И это далеко не только моё мнение. Однако к этому ни в коем случае нельзя принуждать. Думаю, кроме меня это понимают многие.

— Понятно...

Гоки хоть и не мог скрыть своё уныние, но оно явно было не очень серьёзным. Он прибыл на базу Канадзава на час раньше назначенного времени, чтобы заранее узнать, зачем его сегодня вызвали. Но теперь в лучшем случае он узнает всё лишь в последний момент и не сможет заранее настроиться на нужную тему. Однако он и не ждал, что сможет подготовить достаточно эффективные ответы, поэтому его разочарование и не было таким сильным.

Тема разговора Гоки и командира базы Асано сменилась на хобби Асано — рыбную ловлю.

9:35. Прибывшим на базу Канадзава оказался не офицер из генерального штаба, а командир бригады 1-0-1, генерал-лейтенант Саэки.

Не только Гоки это показалось подозрительным. База Канадзава принадлежала к 10-й дивизии. Многие солдаты базы, включая командира Асано, вопросительно склонили головы, подумав "почему именно командир бригады 1-0-1?", однако командир базы по званию был полковником, а Саэки — генерал-лейтенантом. Никто бы и слова не сказал, если Саэки сказала бы, что пришла как представитель штаба. Полковник Асано вернулся в свой кабинет, а напротив Гоки вместо него села Саэки.

Позади Саэки встала женщина-офицер возрастом около 30 лет. Это была сопровождающая Саэки с базы Касумигаура, капитан Кидо Отоха. Саэки сегодня не взяла с собой Казаму.

— Большое спасибо, что проделали этот путь ради нашей встречи.

Саэки поклонилась. Гоки даже не кивнул в ответ.

— Потому что так лучше, чем если бы вы внезапно вломились ко мне домой. Итак, по какому же делу вы так срочно меня вызвали?

— Возникли такие обстоятельства, что мне потребовалось лично встретиться с вами.

Как они оба и сказали, Саэки сначала попросила разрешения посетить особняк семьи Итидзё. На что Гоки ответил категорическим отказом, и в результате встреча была назначена на базе Канадзава.

Саэки не обиделась на то, что Гоки даже не пытался скрыть своё плохое настроение. На самом деле это было не серьёзное проявление эмоций, а попытка навязать чувство долга путём жалоб на принуждение к чему-то непосильному. Но Саэки понимала это и знала, как этим воспользоваться.

— Итак, какое, всё же, у вас дело?

А Гоки думал лишь о том, лишь бы всё просто прошло нормально. Он больше не жаловался, и вместо этого повторно задал Саэки свой последний вопрос.

— Мне сказали, что темой разговора будет решение вопроса относительно волшебника Стратегического класса.

— Да. Для начала, взгляните на это.

Сказала Саэки, и одновременно с этим капитан Кидо протянула Гоки бумажную папку с документами.

— ...Соглашение о контроле над волшебниками Стратегического класса? Не могли бы вы объяснить?

— Конечно.

Саэки сразу же ответила на этот вопрос Гоки, заданный с сомнением в глазах.

— С начала этого года Стратегическая и прочая крупномасштабная магия использовалась повсеместно, будто прорвало какую-то плотину.

Саэки перечислила названия магий и места где они применялись: "Синхро-линейный синтез", "Громовая башня", "Активная воздушная мина", "Туман-бомба".

— Обеспокоенность людей из-за крупномасштабной магии растёт во всём мире. Это может перерасти в массовую истерию и беспорядки.

— И чтобы пресечь эту обеспокоенность, вы хотите поместить волшебников Стратегического

класса под контроль Международной Магической Ассоциации?

— Нет, контролировать будет исключительно каждая страна отдельно. А Магической Ассоциации будет предоставлено право проводить инспекции средств контроля над волшебниками Стратегического класса.

— ...Но это фактически то же самое, что и было до сих пор?

— Если сейчас попросить какое-либо государство расстаться со своим волшебником Стратегического класса, то вы не получите согласия. Поэтому нельзя оставлять всё в таком виде, как сейчас. Я считаю, что беспокойство народных масс значительно уменьшится, если вместо нынешних условий, когда контроль есть лишь у государства, будет введена система, дающая международные гарантии по государственному контролю.

— Понятно... Но почему Япония должна взять на себя инициативу, предлагая всё это?

Гоки задал этот вопрос Саэки, чётко проговаривая каждое слово с серьёзным лицом и взглядом.

— Чтобы избежать подозрений к Японии.

— Каких ещё подозрений?

— Подозрений в территориальных амбициях.

Ответ Саэки был неясен. По лицу Гоки было видно, что он не понял сути.

— В нашей стране в данный момент пребывают двое иностранных волшебников Стратегического класса: Энджи Сириус и Лю Лилей.

— Энджи Сириус?

По поведению удивлённого Гоки, Саэки поняла, что он не притворяется. Она пришла к выводу, что Главные Кланы не поделились друг с другом информацией о побеге Энджи Сириус.

— Энджи Сириус укрывает у себя семья Йоцуба.

— Хмм...

У Гоки на лбу проступили глубокие морщины. Похоже, это своевольное поведение семьи Йоцуба вызвало у Гоки одновременно чувства недовольства и опасности. Это была именно та

реакция, которая была нужна Саэки.

— В дополнение к этим двоим, на днях ваш сын был утверждён как официальный волшебник Стратегического класса. Кроме того, в октябре позапрошлого года именно наша страна впервые в мире задействовала магию Стратегического класса на войне.

— ..."Выжженный Хэллоуин"?

— Хотя тогда это была необходимая мера ради национальной обороны, но также нельзя отрицать, что в результате это именно мы первые сняли печать с использования магии Стратегического класса. Именно поэтому наша страна должна взять на себя инициативу по решению вопроса о контроле над магией Стратегического класса.

— Понятно.

Гоки преувеличенно сильно кивнул.

— И что же вы в таком случае хотите от моей семьи?

Он спросил это, посмотрев прямо в глаза Саэки.

— Я хотела бы, чтобы ваш сын Итидзё Масаки-доно, а также Лю Лилей, находящаяся под покровительством семьи Итидзё, согласились подчиняться решениям правительства по использованию магии Стратегического класса.

— Вопрос только в использовании магии Стратегического класса? Без вступления в ряды сил самообороны?

— Поступать на службу или нет, они должны решить сами.

— И то верно.

Гоки снова сильно кивнул.

— Значит, всё, что мы сейчас обсудили, будет зависеть от личных мнений Масаки и Лю-доно.

— А... нет... но ведь...

Саэки показалось, что Гоки таким образом хочет резко завершить их разговор.

Но она ошиблась.

— Давайте позовём их сюда, и пусть они решат.

— Прямо сейчас?

— Да. Вы ведь не против немного подождать?

— ...Хорошо. Я согласна.

У Саэки не было другого выбора, кроме как согласиться с этим навязанным Гоки предложением.

Разговор продолжился примерно через 30 минут.

Теперь перед Саэки сидел Масаки в школьной форме и Лю Лилей в летнем платье. Лю Лилей не была в форме армии Великого Азиатского Альянса по своему личному желанию. А летнее платье она позаимствовала, разумеется, у Аканэ.

Аканэ с ними не было. Если бы был хоть крошечный шанс, что Лю Лилей совершит диверсию на базе Канадзава, то Аканэ, как пользователя "Нервного расстройства", всё же, отправили бы в качестве сопровождения. Но по крайней мере в семье Итидзё все (включая Гоки, Масаки и Мидори) считали, что беспокоиться не о чем.

К тому же, если Лю Лилей поведёт себя хоть немного подозрительно, то телохранитель Саэки капитан Кидо без колебаний достанет и применит пистолет.

Саэки пришлось постараться и рассказать во второй раз для Масаки и Лю Лилей то же самое, что она недавно рассказала Гоки.

— ...Я понимаю, что вы пытаетесь сказать, ваше превосходительство. — Выслушав рассказ Саэки, ответил Масаки на её молчаливый призыв высказать своё мнение. — Я согласен с вашим мнением о том, что мы должны предпринять какие-либо меры по уменьшению беспокойства людей в отношении волшебников. Кроме того, я и не собирался использовать "Взрыв Океана" по своему усмотрению, так что я не думаю, что моя свобода будет как-то ограничена, если на использование этой магии будет требоваться разрешение правительства.

— Значит, Масаки-сан, ты согласен с контролем над волшебниками Стратегического класса?

— Да. Однако, что касается моей карьеры, в данный момент я собираюсь поступить в Университет Магии, поэтому хотел бы попросить отложить вопрос, поступать мне на военную службу или нет.

— Мне достаточно и этого.

Саэки удовлетворённо кивнула, услышав ответ Масаки.

— А что насчёт тебя, лейтенант Лю?

С получением согласия Масаки, сегодняшняя цель Саэки была достигнута. Саэки считала, что Лю Лилей в конечном итоге вернётся в ВАА, поэтому не было никакого смысла спрашивать её мнение прямо сейчас. Саэки задала этот вопрос Лю Лилей просто так, "между делом".

— Я согласна с тем, что сказал Масаки-сан.

— ...Ты имеешь в виду, что поддерживаешь контроль над волшебниками Стратегического класса?

Саэки переспросила, потому что ответ Лю Лилей оказался довольно неожиданным.

— Если Масаки-сан говорит, что так нужно, то я тоже за это.

Ответ Лю Лилей снова стал для Саэки полной неожиданностью.

Саэки невольно отвела взгляд от собеседницы и уставилась на Масаки.

Масаки был в замешательстве до немоты. Его щёки подёргивались, а глаза бегали из стороны в сторону.

— ...Просто для справки, лейтенант Лю, что ты сделаешь, если Масаки-сан посоветует тебе получить японское гражданство и поступить на службу в силы самообороны Японии?

— Сделаю так, как скажет Масаки-сан.

Внезапно раздался звонкий смех.

Терпевший до этого с натянутой улыбкой Гоки, наконец, не смог больше сдерживаться.

— Ну и дела, не ожидал, что мой глупый сын на такое способен.

— Отец!

Масаки в панике попытался приструнить Гоки взглядом.

Возможно, это помогло, так как следующие слова Гоки были сказаны уже серьёзным тоном.

— Как они сами и сказали, давайте подождём с вопросом сотрудничества с силами самообороны до выпуска из Университета Магии. Право наследования главенства в семье, если потребуется, я передам одной из дочерей.

Гоки встал.

— Итак, думаю, мы ответили на все требующие ответа вопросы.

— Да. Благодарю за ваши положительные ответы. — Сказала Саэки и тоже поднялась со своего места.

Масаки и Лю Лилей тоже поспешно встали, чтобы не отставать от ситуации.

♦ ♦ ♦

...Этот разговор произошёл вечером 19 июля, за день до переезда Лю Лилей в дом семьи Итидзё.

Место действия: комната Лю Лилей на базе Комацу.

По сути, всё начиналось как незамысловатая девичья болтовня между Лю Лилей и Итидзё Аканэ. Но потом...

— Рэй-тян, ты что, влюбилась в нии-сана?

— ...Это довольно внезапный вопрос. Почему ты вообще заговорила о чём-то таком?

— Ну, наверное, потому, что меня это беспокоит, как младшую сестру.

— Аканэ, у тебя комплекс брата?

— Неее, ничего такого. Ведь у меня планы на Шинкуро-куна.

— Шинкуро-кун — это тот Китидзёдзи Шинкуро-кун, который известен как "Кардинал Джордж"? Я думала, что он будет более холодным человеком, как все эти учёные, но оказалось, что он довольно добрый.

— Да! ...Нет-нет, стоп, сейчас не про меня. Рэй-тян, значит, ты влюбилась в нии-сана?

— ...Я обязательно должна отвечать?

— Я хочу знать!

— ...Думаю, он мне нравится. Масаки-сан — добрый человек.

— Добрый? Рэй-тян, у тебя иной взгляд на вещи. Большинство из влюбившихся в нии-сана женщин объясняют это тем, что "он красавчик" или "он сильный".

— Я видела много сильных людей. Но Масаки-сан — первый мужчина, который действительно был добр ко мне. У других мужчин были лишь притворные улыбки, за которыми они прятали желание использовать меня в своих целях.

— Ох... Ну, хорошо это или плохо, но нии-сан — не обманщик.

— В тот день, когда моя страна прислала отряд зачистки, я была очень рада чуткости Масаки-сана, сказавшего добрые слова о Линь-цзе..., то есть, о лейтенанте Линь.

— Понятно, вот, значит, что послужило началом. Но, знаешь, Рэй-тян. Нии-сан довольно глуп в таких делах, поэтому если ты серьёзно намерена его заполучить, то у тебя ничего не выйдет, если ты не пойдёшь в наступление сама.

— Заполучить... Ты имеешь в виду стать любовниками? Но разве это не слишком... вульгарно для девушки?

— Нет! Я совсем о другом, Рэй-тян! Твоё объяснение подошло бы для 20-го века! А сейчас уже конец 21-го!

— Да...

— Слишком сильно жаждать чего-то — тоже не хорошо. Потому что мужчинам нравится "стеснительность" и "женственность". Они мечтатели.

— Эм... Ты имеешь в виду, мечтатели*?

[Автор постоянно вставляет в речь персонажей английские слова. В данном случае Аканэ сказала "dreamer", а Лю Лилей переспросила на японском.]

— Да, они самые. В частности, нии-сан, похоже, предпочитает послушных и хрупких женщин типичного японского типа "ямато-надэсико". "Я буду во всём следовать за тобой" — примерно такой подход должен дать результат.

— ...Поняла. Я попробую. Но Аканэ, тебя это точно устраивает?

— Что устраивает?

— Я слышала, что японским девушкам не нравится, когда кто-то влюбляется в их старших братьев, и они всячески пытаются этому мешать.

— Откуда такая информация!? Да и я уже говорила! У меня нет комплекса брата!

— П-прости.

— Ну, такие девушки тоже есть. Но лично я тебя поддержу, Рэй-тян. Я не хочу видеть, как нии-сана лягает лошадь*.

[Какой-то старинный японский фразеологизм. Точное значение не нашёл, но примерно это означает невезучего человека (началось всё вроде с какого-то самурая, который помер от того, что его лягнула лошадь).]

— Лошадь? Лягает?

— Но это совершенно неприступная высота. Потребуются практически невозможные усилия.

— ?

— Поэтому, Рэй-тян, постарайся!

— Да... Нет, то есть, спасибо, Аканэ. Я постараюсь.

Таким образом, за этой внезапной "атакой", застигшей сегодня Масаки врасплох, таился этот разговор между двумя девушками, состоявшийся за два дня до этого...

♦ ♦ ♦

Попрощавшись с Итидзё Гоки, Масаки и Лю Лилей, генерал-лейтенант Саэки в сопровождении капитана Кидо покинула базу Канадзава. Они сели в вертолёт, ожидавший их на вертолётной площадке, и вылетели на базу Касумигаура.

Когда база, с которой они вылетели, скрылась за горизонтом, Саэки откинулась на сиденье и глубоко вздохнула.

— ...Ваше превосходительство, вы, всё-таки, недовольны каким-то пунктом из ответов семьи Итидзё? — Нерешительным тоном заговорила с Саэки капитан Кидо.

— Нет, я получила даже больше, чем ожидала.

В противоположность такому ответу, лицо Саэки не выглядело довольным.

Увидев наполненное сомнением лицо капитана Кидо, Саэки снова вздохнула.

— ...Тоже из Десяти Главных Кланов, такого же возраста... Я думала, они не будут особо отличаться.

— Вы про отличия между Итидзё Масаки-куном и Шибой Тацуей-куном? Действительно, в сравнении с Шибой-куном, Итидзё-кун больше похож на типичного подростка и кажется более незрелым.

— Капитан, вы немного не правы.

Саэки строгим тоном отвергла впечатления, высказанные Кидо.

— ...Нет, на первый взгляд, так оно и выглядит, но...

Саэки показалось, что этот её тон получился строже, чем она хотела, поэтому она понизила голос, чтобы его смягчить.

— Итидзё-кун гораздо глубже осознаёт, что должно быть в приоритете для государства. Итидзё-кун более взрослый с той точки зрения, что понимает свои обязанности.

— Это отражено также и в отличиях между позициями семей Итидзё и Йоцуба, верно?

— Согласна. Вместо того, чтобы смотреть на Десять Главных Кланов как на одну группу, мы должны оценивать их по отдельности… Нет, может лучше будет сказать, что мы должны сокрушить каждый из них отдельно?

— Это основы тактики.

Увидев, с каким серьёзным лицом Кидо выдала свою шутку, Саэки слегка улыбнулась.

Но в её взгляде совершенно не ощущалось никакой улыбки.

◊ ◊ ◊

Фудзибаяси Нагамаса, побеждённый Тацуей и схваченный подчинёнными Куробы Мицугу, был помещён в больницу в городе Кофу. Данная больница находилась под контролем семьи Йоцуба. Хотя здесь лечили его ранения, но можно было сказать, что на самом деле он находится здесь в заключении.

Его дочь Фудзибаяси Кёко посетила его палату 21 июля в 11 часов утра.

— Добро пожаловать, лейтенант Фудзибаяси.

— …Цукуба Юка-сан, насколько я помню?

У Нагамасы была отдельная личная палата, но оказалось, что в данный момент он был там не один. Юка знала, что Кёко приедет сегодня, поэтому пришла встретить её в палате.

— Для меня большая честь, что вы меня знаете. Я хотела бы кое-что обсудить с вами и вашим отцом… Вы не возражаете?

Это было обычное вежливое прошение разрешения, но ситуация не позволяла отказываться.

— Да, я не против.

Фактически принуждённая, Кёко объявила, что согласна.

Эта палата была довольно просторной, и с обеих сторон от кровати были простые стулья для посетителей, поэтому два человека могли с лёгкостью сесть друг напротив друга для беседы. Кёко села на дальний от входа стул, а Юка — на ближний ко входу.

— Итак. Для меня, как для постороннего человека, будет грубостью долго мешать разговору между отцом и дочерью, поэтому я сразу сообщу вам требование семьи Йоцуба.

Кёко сжалась всем телом. В контраст ей, Нагамаса расслабленно лежал в полусидячем положении в своей кровати с поднятой спинкой.

— Семья Йоцуба решила не раскрывать преступления Кудо Макото и его сообщников.

Застывшая от напряжения Кёко резко вздрогнула. Было очевидно, что одним из упомянутых Юкой "сообщников" был Фудзибаяси Нагамаса.

— Но взамен...

Не обращая внимания на реакцию Кёко, Юка продолжила озвучивать требование.

— ...мы бы хотели, чтобы лейтенант Фудзибаяси выступила свидетелем по поводу деятельности генерал-лейтенанта Саэки, направленной на помощь врагам.

— Помощь врагам... о чём вы? — С побледневшим лицом спросила Кёко у Юки.

Такое её лицо было равносильно признанию, что она "о чём-то знает".

— Что ж. К примеру, тот случай, когда зная о проникновении в страну Лу Ганху, она оставила это без внимания.

У Кёко перехватило дыхание.

— Вам ведь и про другие случаи известно, верно?

Возможно, Юка блефовала. Семья Йоцуба могла и не знать о "других случаях", да и по делу Лу Ганху у них, возможно, не было доказательств.

Но Юка так проворно с самого начала захватила инициативу в разговоре, что Кёко уже не могла с уверенностью это сказать.

— ...Я бы хотела обсудить это с членами семьи.

Кёко планировала выиграть немного времени, чтобы собраться с мыслями.

— Мы уже получили согласие главы семьи Нагамасы-сама и старшего сына Тётаро-сама.

Но Юка предвосхитила даже это.

— ...Пожалуйста, позвольте хотя бы немного поговорить с отцом.

— Понимаю. Я подожду в коридоре. Позовите меня, как закончите.

Юка вышла из палаты, но её последние слова оказывали такое давление, будто она сказала "особо надолго не затягивайте".

Ровно в тот же момент, как дверь закрылась, Кёко глубоко выдохнула.

— Ото-сама.

Кёко встала и обратилась к Нагамасе.

— Это правда, что ты согласился на сделку с семьёй Йоцуба?

Она стояла и ждала ответа отца.

— ...Это правда.

Нагамаса ответил только через три секунды. В его голосе не ощущалось колебаний или чувства вины.

— ...

Кёко некоторое время не знала, что сказать, выбирая между жалобами и упрёками.

— Я понимаю, что в такой ситуации, когда ты являешься пленником, у тебя просто не было выбора. Однако...

Семья Йоцуба требовала у Кёко стать предателем. В определённом смысле, раскрытие недобросовестности вышестоящего офицера, возможно, и не считается изменой по отношению к государству. Но справедливость можно применить не только правильным путём. Кёко не думала, что семьи Йоцуба будет использовать её "свидетельские показания" для достижения праведных целей.

— Я бы согласился на требования семьи Йоцуба, даже если бы не был пленником. Проигравший подчиняется победителю. Это наше правило.

— Но я тогда стану предателем!

Слова отца показались Кёко довольно бесчувственными. Она восприняла это так, будто ему было всё равно, в каком положении она окажется.

— Ты не только солдат, но и человек из семьи Фудзибаяси.

— Ты хочешь сказать, что я должна уйти из армии!?

— Спрошу в ответ. Достойна ли генерал-лейтенант Саэки такой исчерпывающей верности, что ты готова стать соучастником её махинаций?

— Это...

В этот момент в голове Кёко возникли не лица её начальства или сослуживцев. А слова Йоцубы Майи про то, что она "растрачивает себя и достойна лучшего применения".

Она впервые почувствовала (точнее, осознала) сомнения по поводу того, что ей стоит быть солдатом, в тот момент, когда в феврале этого года услышала сообщение о смерти Тибы Тошиказу, с которым у неё зарождались дружеские отношения после пары разговоров. Как цепная реакция, это привело её к воспоминанию о том, как смерть разлучила её с женихом, и о том, как она не смогла понять причину, по которой поступила на военную службу.

Однако при этом у неё возникло чувство, что сомнения по поводу своей работы у неё были гораздо раньше.

"Всё это начало казаться странным... в августе прошлого года."

Всё началось с того, что замыслы провести эксперимент с куклами-паразитами на Турнире Девяти Школ были раскрыты, что вынудило Кудо Рэцу на этот раз по-настоящему уйти в отставку.

Её дед Кудо Рэцу и Саэки были давними соперниками.

"После того, как замыслы одзии-самы были раскрыты, её превосходительство Саэки будто с цепи сорвалась..."

Был ли её самоконтроль ослаблен победой над многолетним соперником? Кёко на личном

опыте прочувствовала, что с тех пор для неё стало гораздо больше приказов, явно выходящих за рамки обязанностей командира одной бригады. Многие задания Кёко и раньше носили явно незаконный характер, но за последний год она много раз испытывала такое чувство, что теперь эти задания начали выходить даже за рамки незаконности.

— Кёко. Генерал-лейтенант Саэки заслуживает твоей верности как начальник? Бригада 1-0-1 — это более приоритетная, чем семья Фудзибаяси, организация?

— ...Всё неправильное должно быть исправлено.

Кёко пошла на такой компромисс со своими чувствами.

— Есть только два случая, о которых я могу свидетельствовать. Но один из них не является помощью врагам.

Такой ответ дала Кёко Юке.

Юка, севшая на тот же стул, что и раньше, удовлетворённо кивнула.

— Первый случай — это умалчивание о проникновении Лу Ганху.

— Да. — Кёко кивнула в ответ на напоминание Юки.

— А какой второй?

Кёко больше не интересовало, знает ли Юка о других случаях, или не знает.

— Материалы и денежные средства для разработки кукол-паразитов были предоставлены семье Кудо... дяде Макото... её превосходительством Саэки.

— Вы говорите про неких других кукол-паразитов, кроме хранящихся замороженными в бывшей Девятой Лаборатории?

Юка не показала ни капли удивления, услышав это признание Кёко.

Кёко так и не смогла определить, знала ли Юка об этом заранее, или нет. ...Но ей уже было всё равно.

— Я про тела-заготовки для кукол-паразитов, выпускаемые с сентября прошлого года. Её превосходительство раздумывала о замене отрядов пехоты на отряды кукол-паразитов.

— Но Министерство Обороны ведь не одобрило стоимость разработки?

— Армейское командование тоже не одобрило.

— Другими словами, взяточничество налицо.

— Верно. Я не задумывалась о том, чтобы разузнать денежные маршруты, но если изучить их более детально, то всплывут названия предприятий военной тематики, с которыми у её превосходительства есть тесные связи.

— Благодарю за такие подробности. Мы изучим источники взяток.

Кёко молча и безвыразительно кивнула в ответ на слова Юки.

◊ ◊ ◊

— ...Значит, Шизуку, Эрика и Сайдзё-кун тоже приедут?

— Угу. ...Или нельзя?

— Без проблем. Итого четыре человека, с завтрашнего утра на сутки, верно?

— Угу, будь добра.

— Принято. Я всё подготовлю.

— Спасибо. Ну, тогда, до завтра.

— Да, буду ждать.

Сейчас шёл второй час дня. Сразу же после завершения разговора с Хонокой, Миюки открыла адресную книгу и протянула палец к кнопке устройства связи с офисом администрации, чтобы

попросить подготовить места для ночлега четверых человек.

Однако за мгновение до того, как она дотронулась до сенсорной панели, заиграла мелодия входящего голосового вызова.

На экране появилась надпись "входящий звонок от Саэгусы Маюми-сама".

— Да, это Шиба.

— Миюки-сан? Это Саэгуса Маюми.

— Давно не общались, сэмпай.

— Ага, давно. ...На этот раз случилось нечто совсем ужасное. Миюки-сан, ты в порядке?

— Большое спасибо за беспокойство. Но, как говорится, нет худа без добра. Жизни Тацуи-сама ничего не угрожает, и после выздоровления не должно остаться никаких осложнений или побочных эффектов.

Маюми была очень осторожна, подбирая слова. А ответ Миюки показался ей очень волевым. Их диалог до этого момента был обычным разговором между кохаем, жених которой попал в несчастный случай, и сэмпаем, беспокоящейся за этих двоих.

— А что с "Восстановлением" Тацуи-куна...? На этот раз оно не сработало?

— Сила Тацуи-сама — это тоже магия, поэтому он не может использовать её, будучи без сознания. ...Думаю, Тацуя-сама не мог даже и предположить, что его атакует сторожевой корабль сил самообороны.

— Вот... оно что. В отличие от "суперсил", "магию" нельзя использовать неосознанно. Магию не построишь, если не заставишь своим сознанием работать своё подсознание...

— Да.

— И вот ещё что... Эммм... Миюки-сан, если ты позволишь, можно мне навестить Тацую-куна?

— Но Тацуя-сама ещё не в состоянии принимать посетителей...

— Ну, раз совсем нельзя, то так и быть.

— Нет... хорошо, я поняла. Вы не против, если я посоветуюсь с членами семьи и перезвоню?

Маюми и без лишних объяснений поняла, что под упомянутой Миюки "семьёй" имелась в виду Йоцуба.

Девушка из семьи Саэгуса просила о посещении жениха следующей главы семьи Йоцуба. Маюми считала естественным, что на это нужно просить разрешения у главы семьи.

— Да, конечно. Буду ждать.

— Постараюсь перезвонить как можно скорее.

Они обе закончили разговор во вполне естественной манере, не проявляя чувства неловкости к словам и тону друг друга.

Миюки направилась в телефонную комнату больницы, оставив Лину в комнате наблюдения ОРИТ. Телефонная комната была разделена на шесть отдельных подкомнат — "телефонных будок". Использовав ID-карту, она вошла в одну из этих будок, оборудованную устройством прямой видеосвязи с главным домом Йоцубы.

В этой полностью звукоизолированной маленькой комнатке-кабинке не было стульев. Рядом с входом была консоль, а на противоположной стене была подвешена 40-дюймовая панель.

Миюки ввела на консоли три разных десятизначных числа.

На настенном мониторе появилась сразу сама Майя.

— Оба-сама, прошу прощения за частые звонки.

— Не переживай из-за этого. Опять кто-то просит посещения?

— Да, мне только что позвонила Саэгуса Маюми-сан.

Миюки совершенно не удивилась такой точной догадке. В настоящее время "посещение Тацуи" было первым, что приходило на ум при звонке Миюки в главный дом, и даже если телефон прослушивался, то в этом не было ничего плохого.

— Семья Саэгуса, значит?

А вот Майя, наоборот, продемонстрировала признаки удивления.

— Вряд ли это личный визит… Интересно, какая у них цель?

Миюки была согласна с мнением Майи, что за просьбой Маюми скорее всего стоят намерения главы семьи Саэгуса. Но было понятно, что Майя не требует от Миюки ответа на этот вопрос.

— …Ладно, хорошо.

Как обычно, Майя сама пришла к какому-то решению.

— Миюки-сан, можешь согласиться на её просьбу.

— Вы уверены, что стоит приглашать Саэгусу-сэмпай?

— Да. Миюки-сан, разбираться с Маюми-сан я поручаю тебе.

Майя не поставила никаких условий для вступления старшей дочери семьи Саэгуса на сцену этого спектакля.

— Слушаюсь.

Миюки почему-то этому не удивилась.

— Как всё прошло? — Спросила Лина у вернувшейся в комнату наблюдения Миюки.

— Я получила согласие. Причём без каких-либо особых условий.

Лина сильно удивилась такому ответу Миюки

— Э? Но ведь семья Маюми, Саэгуса — это соперники Йоцубы?

— Мы не враждебны друг к другу, но и не дружественны.

Похоже, беспокойство Лины только выросло, когда она увидела такое беспристрастное отношение Миюки к этому делу.

— Это нормально? Ведь будет плохо, если из-за этой утечки все узнают, что госпитализация Тацуи — это фальшивка.

— Всё будет в порядке. — Сказала Миюки и улыбнулась Лине.

— Миюки… Какая-то у тебя жуткая, недобрая улыбка.

— Как грубо.

Лицо Лины застыло, но голос ответившей Миюки не был особо сердитым.

— Утечка информации о фиктивной госпитализации действительно стала бы проблемой… Но если это сэмпай, то всё будет в порядке. Если вежливо попросить, то она будет молчать.

— …Угу, ясно. Уверена, так всё и будет. — Пробормотала Лина самоубеждающим тоном, увидев, что улыбка Миюки стала ещё более пронзительной. Лина явно опасалась продолжать обсуждение этой темы.

Не обращая внимания на неестественное поведение Лины, Миюки позвонила в офис администрации, чтобы попросить подготовить гостевые комнаты на пять человек.

◊ ◊ ◊

Заехав по дороге в Генеральный штаб командования армии, Саэки в итоге вернулась на базу Касумигаура в начале пятого часа дня.

Войдя в кабинет командира, Саэки сразу же вызвала Казаму. Несмотря на то, что сегодня было воскресенье, Казама явился довольно быстро.

— Подполковник, вы знаете новость о госпитализации Шибы Тацуи? — С ходу спросила Саэки у вставшего перед столом Казамы.

— Разумеется, я в курсе.

— И что думаете?

Хотя вопрос был довольно абстрактным, но Казама прекрасно понял, о чём спрашивает Саэки.

— Трудно поверить, что он действительно тяжело ранен. У Тацуи есть та способность

самовосстановления.

Саэки сделала строгое лицо и задала Казаме следующий вопрос.

— Если госпитализация фальшивая, то с какой целью это сделано?

— Пожалуй, наиболее вероятным является прикрытие для нападения на тюрьму Мидуэй. И, возможно, он уже покинул страну.

— Отдел разведки тоже с сомнением относится к этому инциденту.

— Вы заходили в отдел разведки?

Здания Генерального штаба командования и армейской службы разведки находились в нескольких минутах ходьбы друг от друга. Казама решил, что Саэки заполучила эту информацию не по телефону, а сходив прямо туда.

И в этот момент Казама ощутил некое беспокойство.

— Ваше превосходительство. Я, конечно, сомневаюсь, но неужели вы рассказали отделу разведки про "Восстановление" Тацуи?

"Восстановление" Тацуи — это гораздо больший секрет, чем его "Разложение". Это было оговорено в договоре с Йоцубой.

Этот договор был расторгнут в тот же самый момент, когда Тацуя отказался от статуса особого офицера. Однако обязанность хранить конфиденциальность сохранялась даже после расторжения договора. Хотя это были не юридические обязательства, и не осталось никаких документов, но именно потому, что это была та самая изнанка мира, живущая вне закона, доверие имело огромное значение.

— ...Отдел разведки начал расследование ещё вчера.

Саэки не ответила на вопрос Казамы.

Казама понял, что переспрашивать бесполезно, поэтому не наседал с дальнейшими вопросами на эту тему.

— Удалось ли успешно проникнуть? — Спросил он вместо этого.

— Я слышала, что они отправили разведчика, замаскированного под репортёра... Но если

честно, то охрана там кажется совершенно неприступной.

— Позорно, конечно, что армейский отдел разведки не может превзойти гражданских. Но таков уж их противник. Ничего не поделаешь.

Казама критиковал своих коллег так, будто это совсем не его дело.

На лице Саэки появилось раздражение.

— Подполковник, нам нельзя "ничего не делать".

— Но настоящая проблема в том, что принудительное расследование невозможно. Если взглянуть на ситуацию непредвзято, то Тацуя — жертва.

— Вам сам этот инцидент не кажется каким-то неестественным? Разве могло так случайно получиться, что вся команда сторожевого корабля окажется антимагистами?

— А что, если это была не случайность, а спланированный теракт фракции флота, поддерживающей антимагическое движение? Или, например, какой-нибудь "фракции против Десяти Главных Кланов"?

Саэки погрузилась в молчание.

Не только Казаме, а любому было бы ясно, это её не убедило.

— Ваше превосходительство... Извините за грубость, но не слишком уж враждебно вы относитесь к Тацуе?

— Я не отношусь к нему враждебно.

Отрицание Саэки было таким резким, что казалось какой-то естественной, рефлекторной реакцией.

Казама решил дальше не спорить.

— ...Прошу прощения.

— ...Если узнаете хоть что-нибудь об активности Шибы Тацуи, то сообщите немедленно.

Саэки не сказала "прощаю" в ответ на извинения Казамы. И на то заявление Казамы от неё не

было никакой реакции, кроме отрицания. Было ясно, что её последняя фраза была сказана исключительно ради того, чтобы избавиться от неудобной темы.

— Вас понял.

— Это всё, о чём я хотела поговорить. Вы свободны, подполковник.

Услышав ответ Казамы, Саэки приказала ему уйти в виде разрешения.

http://tl.rulate.ru/book/1408/617317